

УДК 811.161.1'42

М.П. Дидоренко

ОБРАЗНО-ПОНЯТИЙНЫЕ ДОМИНАНТЫ «ОГНЯ», «ВОДЫ» И «ВЕЩНОСТИ»
В ЛИРИКЕ НОВОКРЕСТЬЯНСКИХ ПОЭТОВ (Н. КЛЮЕВ, С. КЛЫЧКОВ, С. ЕСЕНИН)

Дідоренко М.П.

ОБРАЗНО-ПОНЯТТЕВІ ДОМІНАНТИ «ВОГНЮ», «ВОДИ» ТА «РЕЧНОСТИ» В ЛИРИЦІ
НОВОСЕЛЯНСЬКИХ ПОЕТІВ (Н. КЛЮЄВА, С. КЛІЧКОВА, С. ЄСЕНІНА)

В статті розглядається питання домінанти художнього тексту, виділяються образно-
поняттєві домінанти в ліриці новоселянських поетів як зіставні поняття.

Ключові слова: образно-поняттєва домінанта, новоселянські поети, М. Клюев, С. Кличков, С. Есенин.

Дидоренко М.П.

ОБРАЗНО-ПОНЯТИЙНЫЕ ДОМИНАНТЫ «ОГНЯ», «ВОДЫ» И «ВЕЩНОСТИ» В ЛИРИКЕ
НОВОКРЕСТЬЯНСКИХ ПОЭТОВ (Н. КЛЮЕВА, С. КЛЫЧКОВА, С. ЕСЕНИНА)

В статье рассматривается вопрос доминанты художественного текста, выделяются образно-понятийные доминанты в лирике новокрестьянских поэтов как соотносительные понятия.

Ключевые слова: образно-понятийная доминанта, новокрестьянские поэты, Н. Клюев, С. Клычков, С. Есенин.

Didorenko M.P.

FIGURATIVE AND CONCEPTUAL DOMINANTS OF «FIRE», «WATER» AND «THINGNESS»
IN NEOPEASANT POETRY (BASED ON N. KLYUEV'S, S. KLYCHKOV'S AND S. ESENIN'S POETRY)

The article deals with the text dominant, figurative and conceptual dominants are distinguished in neopeasant poetry as correlative concepts.

Keywords: figurative and conceptual dominants, neopeasant poets, N. Klyuev, S. Klychkov, S. Esenin.

Понятие образно-понятийной доминанты в том или ином виде использовалось в классических работах по эстетике и литературоведению (В.В. Виноградов, Р. Якобсон, Г.Г. Шпет, В. Соловьев, А. Белый, Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов и др.), продолжая развиваться в трудах лингвистов и психолингвистов (В.П. Белянин [1], А.А. Брудный [2], О.И. Владимирская [3] и др.). Доминанта выявля-

ется при сопоставлении, структурировании объекта, при выявлении преобладающего образно-понятийного образования, которое выступает как организующий принцип, предопределяющий отбор автором определенных сюжетов, героев, синтаксических и лексико-семантических средств [1]. При изменении объекта (отдельное стихотворение, творчество в целом, сопоставление творчества различных авторов) доминанты будут различны-

ми, поскольку, как в данном случае, при сопоставлении идиостилей новокрестьянских поэтов, выявляются лишь соотносительные понятия.

Доминанта может быть выявлена по нескольким основаниям (смысловому, композиционному, жанровому и т.д.). В данной статье идиостили сопоставляются на образно-понятийном уровне, поэтому основная задача исследования – выявить образно-понятийные доминанты в лирике Н. Клюева, С. Клычкова и С. Есенина. «Их поэзия, при всём её социально-миривоззренческом единстве [идеализация уходящей крестьянской России – М.П.], представляет собой некий разделённый внутри круга»: если идеологизация Клычкова носит исключительно пантеистический характер, то у Клюева это происходит в основном в духе христианского мистицизма; Есенин же, несмотря на влияние и использование пантеистической, и христианской формы идеологизации, почти полностью определяет свои ценности мерками постороннего, земного бытия [6, с.9]. Эти различные философские воззрения, а также этические и психологические стержни поэтов определяют различную образную систему в их произведениях, создают различную основу для метафоризации и вербализации картины мира. Таким образом, нашей задачей является определение этих исходных соотносительных образов и понятий в лирике поэтов и выявление лексических парадигм, вербализующих эти концепты.

В лирике Николая Клюева такой сопоставительной лексической парадигмой может быть частотно употребляемая «огненная» лексика:

- *усты – врата огневые*
- *о горящее знамя*
- *куйти, юсните, палите миры*
- *костра степного взвиши*
- *передо мной во мраке колеблется свеча*
- *в сердечных дамнах выплавится жизни баэрное золото*
- *Солнышко-светик! Согрей мужика*
- *светлой слезинкой лампадка горит*
- *свечу пред божницей зажегла*
- *веет с полян отдаленным пожаром... горят города*
- *гений возмездья сигналы занёс*
- *розы алая лампада... пожар нарцисса*
- *рифм маячные огни*
- *поле-море полыхни!* и др.

Лексемы *полыхать, гореть, палить, зажигать, согревать, плавить, свеча, костёр, огонь, пожар* и др. ассоциативно связаны с понятием *огненной стихии*, а также темой революции, религиозной страсти, широко представленных в лирике Клюева. Известно также, что Н. Клюев, убеждённый сторонник обычая допетровской Руси, разделял идею самосожжения («лучше в огне сгореть, чем антихристу служить и бесами

быть») [4]. Следующим образом характеризовал Клюева В. Брюсов: «Огонь, одушевляющий поэзию Клюева, есть огонь религиозного сознания» [5].

Подобной сюжетной линии противопоставления себя окружающему злу следует в своём творчестве и Сергей Клычков, обращаясь за источником образов к фольклорному пантеистическому прошлому России. Однако если «огненность» Н. Клюева заставляет его «огнём и мечом» противостоять окружающему злу, то психологический тип лирического героя С. Клычкова определяет его желание скрыться от внешнего мира. Отсюда множество «водных» лексем из наименований места действия с семантикой «закрытого» места: *плес, пучина, полынь, затон, под волной*, а также в целом лексем «водной» и «туманной» стихии, определённых в целом скрытым характером лирического героя.

В стихотворении С. Клычкова «Я мир любил да и люблю...» лирический герой сравнивает себя с кораблём в море. В стихотворении «Пригрезился, быть может, водяной...» герою снится водяной, а в стихотворении «В нашей роще есть хоромы...» – река Дубна. Имплицитно в этих примерах парадигма **ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ (рыбак, корабль)**, а также понятие так наз. *водных снов*, связывается с парадигмой водной стихии. Эта лексическая парадигма водной стихии весьма широко представлена в лирике Клычкова и для создания характеристики окружающей действительности: вечно существующий мир уподобляется беспринятному пловцу, с морем сравнивается любовь, мести у реки уподобляется рай, люди уподобляются волнам, которые мешают кораблю, также переменчивость людской молвы сравнивается с волнами, реки – с текучестью времени, с посредником между двумя мирами – этим и потусторонним (стихотворения «Луна», «В слезах ненужных и невзгодах...», «Сегодня в ночь взошла луна...», «Бежит из глубины волна...», «Я мир любил да и люблю...», «Юность – питьё соловьёвое...», «Я устал от хулы и коварства...»):

- *у мира нет нище начала, и значит, нет ни в чём конца, как нет заветного причала у бесприютного пловца*
  - любовь, как море, может быть, а нету берега без пены
  - мне грезится чудесный отдых на берегу лазурных рек
    - нет прихотливее волны и нет молвы капризней
    - мне люди были, словно волны в безвестном море кораблю
    - воды сбегают с околицы, ходят подоконьем дни
    - не беда, что без пролаза тина, и Дубна обмелела теперь: знаю я, что у старой плотины, у плотины есть тайная дверь

Лексемы *потонуть, плыть, разлить, лить* при характеристики объектов окружающей действительности продолжают, на наш взгляд, ассоциативно лексический ряд, определяющий понятие *водной стихии*:

- *потонул в повечеровый дым*
- *туман плывёт*
- *разлит свет*
- *в цвету плывут кусты*
- *плывёт луна*
- *льётся свет*
- *улыбка чистых уст плывёт спасительным ковчегом и т.д.*

Частотная лексическая парадигма ТУМАН (лексема *туман* – самая частотная в парадигме ПРИРОДА в лирике С. Клычкова) также может характеризовать мир героя Клычкова как «водный»:

- *в тумане раннем у реки*
- *где встаёт туман по лугу*
- *за густым туманом ходит старец*

древний

- *и не туманит мне очей*
- *пастусь в тумане олени*
- *ложится туман на луга*
- *грусть-туман плывёт, в том тумане*

сердце-солоей поёт

- *рано из тумана прихожу к невесте*
- *потухает туманный денёк*
- *вдоль полян плыл серебряный туман*
- *пока весь снег в тумане таял*
- *туман ложится в отдаленье... и т.д.*

Таким образом, клычковский образный мир представляется нам «сделанным» преимущественно из образов, формирующих понятие *водной стихии*, которое основано на такой черте лирического героя, как скрытность.

Поэтику Сергея Есенина в этом смысле отличает от поэтики С. Клычкова и Н. Клюева отсутствие доминирования пафоса противопоставления себя окружающему миру, его удел – это чувственность, вещественность и «земная конкретика». Поэтому концепт ВЕЩНОСТЬ вербализуют, напр., такие лексические парадигмы, как ЗЕМНЫЕ ЖЕНЩИНЫ, ЖИВОТНЫЙ МИР, ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ и др. (см. напр.[7], [8]). Одной из таких лексических парадигм, широко представленных в лирике С. Есенина, можно считать и парадигму ТКАНЬ, поскольку в понятие *ткани* входит понятие *осязаемости и вещественности*.

Парадигму ТКАНЬ составляют лексемы с семантикой названия различных видов тканей, одежды или части одежды, процессов, связанных с производством и употреблением ткани. В целом, ранней лирике Есенина, в отличие от поздней, присущи называния действующего лица с упоминанием одежды или части одежды на нём (например, *пойду в скуфье; из подворья... на платки их*

монохи глядят

). Поэт использует в большом количестве названия одежды (*шушун, дулейка, риза, саван, ептирахиль, скуфья, телогрейка, кокошник, платок, шаль, чадра, наряд, шапка*); упоминает такие виды ткани, как *кружево, прошивка, ситец, шёлк, парча, лён* (наиболее частотным видом ткани является *кружево*). Приведём некоторые примеры из данного ряда лексической парадигмы.

В прямом значении:

- *пойду в скуфье*
- *Марфа...письменище...из дулейки вынула*

нула

- *рукавом горючи слёзы утирала*
- *развеялись платки*
- *отряхивают старухи дулейку*
- *из подворья...на платки их монохиглядят*

дят

- *кормит просом с подола*
- *в алых ризах кроткий Спас*
- *не твоя ли шаль с каймою зеленеет на ветру*

- *на рукаве своём повешусь*

- *всё тот же розовый платок затянут смуглую рукою и др.*

В непрямом значении:

- *метелица ковром шелковым стелется*
- *роща синим мраком кроет галтыбу*
- *шелковые травы*
- *родился я с песнями в травном одеяле*
- *выются паутины*
- *белая бахрома*
- *в пряжке солнечных дней время выткало нити*

- *выткался на озере алый свет зари*
- *зори в струях озера выткали узор*
- *зори меня вешиные в радугу свивали*
- *белю косынкой подвязалася сосна*
- *валит снег и стелет шаль*
- *убегает лентой даль*
- *кружевами лес украшен*
- *вяжут кружево над лесом*
- *в лунном кружеве*
- *прядите, они, свою былую пряжу и др.*

Таким образом, выявленной соотносительной образно-понятийной доминантой в лирике С. Есенина выступает концепт ВЕЩНОСТЬ, характеризующий автора как стремящегося к «земной конкретике». Художественный мир Н. Клюева в сравнении с этим понятием образно представляется сделанным из такого «материала» как огонь, характеризуя автора как страстного и революционно настроенного. С. Клычкову же оказывается «дорога» водная (туманная) стихия, которая «поддерживает» такую черту лирического героя, как скрытность от окружающих. В целом, художественные миры Н. Клюева и С. Клычкова оказываются близкими друг другу в плане «стратегии»

поведения героя, отличается только «тактика» (по типологии художественных текстов В.П. Белянина [1] у С.Есенина, с одной стороны, и С. Клычко-ва и Н. Клюева, с другой, тексты действительно относятся к разным типам).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В.П.Белянин. – М.: Тривола.— 2000.—248 с.
2. Брудный А.А. - Психологическая герменевтика/ А.А. Брудный. – М.: Лабиринт, 2005. – 336 с.
3. Валентинова (Владимирская) О.И. Теория поэтического языка. Спецкурс для филологов-магистров. Учебно-методическое пособие / О.И. Валентинова (Владимирская). – М.: Изд-во РУДН, 1995. – 56 с.
4. Дюжев Ю. Последняя песнь старообрядчества: К 115-летию со дня рождения Н. Клюева / Ю. Дюжев // Север. – 1999. – N 9. – С. 131-149.
5. Киселёва Л.А. На «Медном ките» — к «Четвертому Риму» (заметки о логоцентричности художественного мира Н.А. Клюева). Статья первая / Л.А. Киселева // Русистика. — Киев, 2002. – Режим доступа: http://kluev.org.ua/academia/medn_kit.htm
6. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии/А.И. Михайлов. – Ленинград: Наука, 1990. – 275 с.
7. Просняник О. Поэтический язык Н.Клюева и С.Есенина (типология лексических парадигм) / О. Просняник. – Киев: “Українське вид-во”, 2007. – 120 с.
8. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина: Анализ лексики /И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.